Слаще меда

Автор:
Мишель Смарт

Слаще меда

Мишель Смарт

Любовный роман – Harlequin #528Неотразимые сицилийцы #1

Грейс сбежала от мужа, считая его гангстером. Десять месяцев ей удавалось скрываться. Она родила дочь, а когда девочке исполнилось три месяца, Лука нашел их и увез на Сицилию. Как сложится ее жизнь в клетке, хоть и в золотой?

Мишель Смарт

Слаще меда

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

What a Sicilian Husband Wants

© 2014 by Michelle Smart

«Слаще меда»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

Грейс босиком сбежала вниз по лестнице и подошла к шкафчику с охранным устройством. Она привычным движением набрала код и отключила сигнализацию вместе со всеми датчиками, во множестве рассеянными по первому этажу. Один-единственный раз Грейс забыла это сделать, потому что еще не стряхнула с себя сон и двигалась словно зомби. И когда она вошла в кухню, весь дом загудел.

Грейс поставила чайник кипятиться и зевнула.

Кофе! Вот что ей нужно – хорошая порция кофеина с порядочной дозой сахара.

Ожидая, пока чайник закипит, Грейс раздвинула плотные шторы, закрывавшие застекленную дверь, ведущую в сад. На мгновение ее ослепил яркий утренний свет. Прищурившись, она разглядела толстый слой инея, покрывавший деревья и кустарники. От этого зрелища у нее пробежали мурашки по коже. Она поспешно опустила шторы.

Слегка подрагивая, Грейс вернулась к кухонному столу и включила ноутбук. Ожидая, пока он загрузится, она приготовила кофе и добавила в него молока, чтобы поскорее остыл. Поднесла кружку к губам, собираясь сделать первый глоток. Неожиданно раздался звонок в дверь.

Холод совсем иного рода обдал Грейс ледяной волной и пробрал до костей.

Каждый волосок на теле встал по стойке «смирно». Сердце ударилось о грудную клетку так сильно, что горячий кофе выплеснулся на пальцы.

Грейс сморщилась от боли и выругалась сквозь зубы, но легкий ожог оказал ей услугу, приведя в чувство.

Поспешно поставив кружку на стойку и окончательно расплескав кофе, она вытерла пострадавшую руку о халат, шагнула к стоявшему в углу серванту, вытащила плетеную корзинку и, сунув руку под стопку кухонных полотенец, достала маленький пистолет.

В дверь позвонили снова.

Ноутбук успел загрузиться и был готов к работе. Грейс нажала значок, открывавший доступ к четырем камерам наблюдения, расположенным по периметру дома. Экран разбился на квадратики. Один из них, верхний справа, показывал нечто необычное.

На крыльце стояла невысокая женщина в толстой куртке с капюшоном, вязаной шапке и шарфе. Колени ее слегка дрожали.

Колеблясь между инстинктивной подозрительностью к незнакомцам и жалостью к замерзающей женщине, Грейс осторожно прошла по узкому коридору и отодвинула штору, закрывающую входную дверь. За стеклом маячил

расплывчатый силуэт. Спрятав правую руку с пистолетом за спину, она левой неловко отодвинула три засова. Только после этого Грейс отперла замок и приоткрыла дверь на полтора дюйма – ровно настолько, насколько позволяла цепочка.

– Извините, что побеспокоила вас, – проговорила незнакомка, стуча зубами. – У меня сломалась машина. Могу я воспользоваться вашим телефоном, чтобы позвонить мужу? У моего мобильника пропал сигнал.

«Ничего удивительного», – подумала Грейс. В маленькой корнуоллской деревушке мобильная связь работала плохо. Хорошо еще, что телефонный кабель исправен. Она внимательно оглядела женщину, не слишком считаясь с правилами вежливости.

Рассудком Грейс понимала, что незнакомка не представляет для нее угрозы. И все-таки…

И все-таки воображение немедленно выдало массу причин, по которым совершенно невозможно впустить в дом эту женщину и позволить ей позвонить по телефону, а затем оказать гостеприимство и усадить в кухне у чугунной печки.

Наилучший выход – отправить незнакомку в фермерский дом на холме, захлопнув дверь перед ее носом, однако Грейс не могла заставить себя поступить бессердечно. Ведь бедняжке придется добираться туда целых десять минут.

– Подождите секунду, – попросила она, закрыла дверь и сунула пистолет в глубокий карман пеньюара, хотя знала, что это самое неудачное место для того, чтобы спрятать оружие. Но сейчас у нее не было выбора.

«Это просто глупость и паранойя! Ты слишком долго пряталась. Даже дверь не открываешь, боясь ловушки».

Грейс сняла цепочку и отворила дверь.

– Огромное вам спасибо, – сказала женщина, заходя в прихожую. – А я уже решила, что никогда не доберусь до цивилизации. Дороги здесь ужасные!

Грейс выдавила вежливую улыбку и закрыла за нежданной гостьей дверь. Но холод успел ворваться в дом. И снова молодую женщину охватило гнетущее, тревожное чувство.

– Вот телефон, – указала она на аппарат, стоявший на маленьком столике у двери. – Прошу вас.

Женщина сняла трубку, набрала номер и что-то тихо забормотала. Разговор продолжался минут пять. Закончив, незнакомка опустила трубку на рычаг.

– Спасибо. Я не стану дольше злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Вы можете дождаться мужа здесь, – предложила Грейс, которой неловко было выгонять несчастную на мороз.

– Не стоит. Он скоро подъедет.

– Вы уверены? Такой ужасный холод…

Женщина попятилась к двери и взялась за ручку:

– Я уверена. Спасибо.

Она побежала по дорожке, даже не сказав «до свидания».

Грейс в замешательстве проводила ее взглядом, потом затворила дверь и задвинула все засовы. И вздрогнула.

Волосы на руках снова зашевелились. Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла, что охвативший ее холод – это плохое предчувствие, а не просто физическая реакция.

Она совершила ошибку…

Замерев, Грейс напрягла слух. Единственным звуком, который она слышала, было биение ее сердца.

Глупости и паранойя…

И все-таки нечто в поведении незнакомки настораживало. Возвращаясь в кухню, Грейс думала только о том, как эта женщина поспешно выбежала из ее дома…

Но испуг, вызванный внезапным звонком в дверь, не шел ни в какое сравнение с ужасом, приковавшим ее к полу, когда она увидела в кухне высокого темноволосого мужчину в компании двух гориллоподобных амбалов.

– Подождите меня в машине, – бросил он, не сводя глаз с Грейс.

Амбалы немедленно вышли, воспользовавшись кухонной дверью, которая еще десять минут назад была надежно заперта.

– Доброе утро, bella.

Bella.

Ласкающее слух слово парализовало Грейс. Сердце мгновенно отозвалось барабанной дробью, первые же звуки этого голоса воскресили череду воспоминаний. Красивый бархатистый низкий голос и сильный сицилийский акцент делали его английский язык похожим на песню.

Барабанная дробь перешла в громкую пульсацию. Паралич сменился всплеском энергии, от которой туман, наполнивший голову, развеялся. Не сводя с него глаз, Грейс сунула руку в карман и вытащила пистолет.

– Даю тебе пять секунд, чтобы ты убрался из моего дома.

Лука отреагировал на направленное в его грудь оружие почти неуловимым движением густой черной брови. Твердые губы слегка дрогнули, он медленно поднял руки вверх.

– Иначе что? Ты в меня выстрелишь?

– Не двигайся! – воскликнула Грейс, когда он, не опуская рук, сделал шаг по направлению к ней. – Отойди назад!

Честно говоря, это выглядело смешно. Безоружный Лука был безмятежен, тогда как Грейс, сжимавшая в руке пистолет, трепетала от страха.

Интересно, он хотя бы раз в жизни испугался по-настоящему?

Главное – не поддаться панике. Она же знала, что рано или поздно этот день наступит. И готовилась к нему.

– Назад, я сказала!

Грейс пыталась крепче сжать пистолет, но рука дрожала очень сильно.

– Ты всех гостей так встречаешь, bella? – Лука склонил голову набок и сделал еще один шаг к ней.

И еще один. Глядя на Грейс глубоко посаженными глазами. Молодая женщина успела забыть, как гипнотически они действуют на нее. Черные ресницы обрамляли их так густо, что когда-то она считала его глаза черными. Только при ближайшем рассмотрении удавалось понять, что глаза у Луки темно-синие, как ясная летняя ночь. И забыть их цвет невозможно.

Она отчетливо вспомнила, как впервые увидела эти глаза вблизи. В тот миг она безумно влюбилась.

Но с тех пор прошла целая вечность. Любовь к Луке умерла десять месяцев назад.

– Только непрошеных. – Она демонстративно сняла пистолет с предохранителя. – Говорю в последний раз: убирайся прочь.

Он подошел так близко, что стало видно, как на его виске пульсирует голубая жилка.

– Опусти пистолет, Грейс. Ты понятия не имеешь, как обращаться с такой опасной игрушкой.

Представляя себе их встречу, Лука не предвидел, что на него наставят пистолет.

Ему не верилось, что он нашел ее. Наконец-то! Как только он узнал Грейс на фотографии, немедленно сел в самолет, который держали наготове именно ради такого случая, и вылетел в Англию.

Лицо Грейс было похоже на маску.

– Ты не представляешь, с чем я умею обращаться. Как ты меня нашел?

Лука сумел подавить вспышку гнева, вызванного ее бесстрастной интонацией. Казалось, она разговаривала с абсолютно незнакомым человеком.

– Это было нелегко. А теперь опусти пистолет. Я всего лишь хочу с тобой поговорить.

Она даже не попыталась скрыть недоверие.

– Ты проделал такой путь и приложил столько стараний, чтобы всего лишь поговорить? В таком случае постучал бы в дверь, как нормальный человек, а не подослал свою марионетку, чтобы отвлечь меня и вломиться в кухню!

– А все потому, моя хитроумная Грейс, что ты заставила меня побегать за тобой по всей Европе.

Грейс долго опережала его на шаг, и Лука уже был готов поверить в ее способность проходить сквозь стены, едва он оказывался близко. Удостоверившись, что на фотографии точно она, он поручил своим людям пристально следить за домом и следовать за Грейс, если она куда-то отправится. Он не собирался снова позволить ей улизнуть у него из-под носа.

– Я не заставляла. Если бы я хотела, чтобы ты меня нашел, то сообщила бы адрес. – Сжимая пистолет в правой руке, она вытерла ладонь левой о полу тонкого пеньюара, который от этого движения распахнулся.

Лука почувствовал, как кровь его становится горячей и вязкой.

Длинные пижамные брюки и топ красиво облегали ее стройную, почти подростковую фигуру. И все же теперь Грейс выглядела более женственной, мягкой, и это никак не сочеталось с холодным блеском решительных глаз цвета лесного ореха.

У Луки пересохло во рту. Проведя по губам языком, он продолжал внимательно изучать молодую женщину.

Она сильно изменилась. Столкнувшись с ней на улице, он вряд ли узнал бы ее. Наверное, этого Грейс и добивалась. Он и на фотографии ее едва узнал. Снимок сделали его люди из укрытия, недоступного для камер наблюдения. Грейс вышла из дому лишь на минуту, чтобы достать почту из ящика в конце подъездной дорожки, накинув на плечи толстое, бесформенное пальто. Они успели щелкнуть пару раз, прежде чем она скрылась, и в кадр лицо попало лишь частично.

Внимание Луки привлек наклон головы, показавшийся знакомым, он всмотрелся пристальнее, и вдруг его будто обожгло. Это была Грейс! Именно так она наклоняла голову, задумываясь или стоя с кистью во рту перед полотном. Правда, раньше у нее были длинные светлые волосы. Уж никак не рыжие, подстриженные под эльфа. Ему всегда претили подобные прически у женщин, но Грейс выглядела абсолютно неотразимой. И сексуальной.

Очень сексуальной.

– Откуда мне было знать, что ты не хочешь, чтобы тебя нашли? – холодно поинтересовался он. – Ты уехала, ни слова не сказав ни мне, ни кому-то еще. Даже пару строк не черкнула из вежливости.

– Я считала, что мое молчание все объяснит.

Ее молчание и впрямь говорило красноречивее всяких слов. Но разве он мог не искать ее? Он искал бы ее до скончания мира. Эта женщина обещала любить и почитать его, пока их не разлучит смерть, а не…

В том-то и заключалась проблема. Лука понятия не имел, почему она вдруг взяла и исчезла из его жизни.

– Ты не взяла с собой ничего из одежды!

Она пошла прогуляться по имению, перелезла через забор и убежала.

– Твои головорезы наверняка насторожились бы, если бы я бродила по виноградникам с чемоданом. Я знала, что ты станешь меня искать. Потому и обзавелась оружием – чтобы ты и твои люди не заставили меня вернуться. Говорю тебе: ноги моей больше не будет на Сицилии. И если ты не хочешь проверить на себе, меткий ли я стрелок, уходи подобру-поздорову. И подними руки так, чтобы я их видела.

– Какой бес в тебя вселился?

Перед Лукой стояла не беззаботная художница, которую он любил, которая смотрела на него с выражением безграничного счастья. Он давно привык, что женщины смотрят на него с вожделением, а порой и с преданностью. Грейс была единственной женщиной, которая дала ему почувствовать, что ее мир гораздо лучше того, в каком привык жить он. И она была единственной женщиной, сделавшей его мир более счастливым.

Но теперь ее глаза не выражали ничего, кроме холодного презрения.

Сквозь пелену, внезапно затуманившую глаза, он услышал ледяной голос:

– Знаешь, как говорят: «Женятся на скорую руку, да на долгую муку». Убежав, я только и делаю, что раскаиваюсь. Мне не следовало выходить за тебя.

Лука вспомнил ее слова, сказанные когда-то: «Я люблю тебя больше всего на свете. Я принадлежу тебе душой и телом, Лука».

Эта женщина – не его жена. Лучше всего было бы повернуться и уйти, но он имеет право получить ответ на свой вопрос. И он намерен его получить.

– Еще раз спрашиваю: как ты меня нашел? – процедила Грейс сквозь зубы.

– Мне помог телефон твоей подруги.

Впервые ей изменило самообладание. Она приоткрыла рот.

– Кара?

– Да.

– Я тебе не верю. Кара меня не предаст.

– Она и не предавала. Я говорю о ее телефоне. Вскоре после побега ты ей позвонила.

Грейс побледнела.

– Она никогда не дала бы тебе телефон.

– Конечно, – согласился Лука. – Извини, пришлось действовать не вполне честно, чтобы его заполучить. Зато потом не составило труда найти в нем твой номер, а по нему определить и твое место пребывания.

Но на самом деле все было не так просто. После этого звонка Грейс долго не пользовалась телефоном. Поиски зашли в тупик. Однако неделю назад телефон вдруг ожил. К счастью, Лука заплатил сотруднику компании сотовой связи, чтобы тот проследил за номером – на случай, если произойдет чудо.

Все-таки чудеса порой случаются!

– Кара знает, что ты сделал?

– Понятия не имею. – Луке было все равно. Сейчас его волновало только то, что у Грейс дрожат руки. Дрожащие руки, сжимающие снятый с предохранителя пистолет, – не слишком хорошее сочетание. – Отдай мне пистолет или положи его на стол.

– Нет! – Она подняла оружие повыше, широко раскрыла глаза. – Не положу, пока ты не уйдешь. Убирайся!

– Тебе придется его положить, потому что я уходить не собираюсь.

Лука шагнул к ней.

– Не приближайся! – воскликнула молодая женщина, пятясь назад. – Стой, где стоишь.

– Ты не выстрелишь. – Он опустил одну руку и, потянувшись, обхватил пальцами ствол.

– Отойди, я сказала! – вскрикнула Грейс, и тут в кармане Луки зазвонил мобильный телефон.

Она подскочила от неожиданности. Под сводами маленького коттеджа выстрел прозвучал оглушительно. Вначале Лука не придал значения тому, что в правое плечо впилось пчелиное жало.

Они застыли в молчании, затем Грейс задрожала и уронила пистолет на пол.

Лука успел заметить, что ее лицо сделалось смертельно бледным, и только потом почувствовал, как по плечу струится что-то горячее. Он распахнул куртку и сморщился от пронзившей его боли. Но шок при виде расплывавшегося по белой рубашке красного пятна не шел ни в какое сравнение с потрясением, которое Лука испытал, осознав, что звон в ушах – это вовсе не эхо выстрела, а детский плач.

* * *

Она выстрелила в него.

Господи, она и правда выстрелила в него! Сквозь звон в ушах Грейс слышала, словно издалека, плач Лили. Казалось, он доносился с луны.

Зажав рот рукой, она смотрела на красную жидкость, сочившуюся из плеча Луки. А он уставился на нее ошеломленным взглядом.

На ватных ногах Грейс шагнула к Луке, чувствуя, как ее собственная кровь стынет в жилах. Вблизи рана выглядела еще страшнее. Протянув руку, она замерла на миг, прежде чем осмелилась к нему прикоснуться.

Я не хотела, – пролепетала Грейс, пытаясь справиться с барабанной дробью, которая грозила взорвать голову изнутри. – Сейчас я остановлю кровь.

Желудок сжало спазмом. Она метнулась к серванту, вытащила корзинку, в которой хранила этот жуткий пистолет, и выхватила стопку салфеток.

Плач Лили стал отчаянным и пронзительным, он проникал сквозь толстые стены, надрывая сердце Грейс.

Боже, боже, что же ей делать?!

Слышит ли Лука плач?

Он присел к столу. Его оливковая кожа побледнела, отчетливее проступила темная щетина на подбородке. Ей еще не приходилось видеть Луку таким беспомощным.

Грейс наклонилась и прижала чистую салфетку к ране. Он сжал здоровой рукой ее запястье:

– Какого черта ты делаешь?

– Хочу остановить кровь.

Он сжал зубы и подался вперед, так что их лица почти соприкоснулись.

– Я сам способен позаботиться о своей ране. Лучше ступай наверх и позаботься о ребенке, которого ты там прячешь.

Глава 2

Лука произнес эти слова так, что сердце Грейс ушло в пятки. Она задрожала всем телом.

– Это опасная рана? – с трудом выдавила она, пытаясь высвободить свою руку, однако хватка Луки стала только крепче.

– Нет.

– Тогда отпусти меня.

Его глаза цвета полуночи вспыхнули, и он разжал руку. Грейс медленно, словно в вязком тумане, поднялась по лестнице в спальню, где стояла кроватка ее дочки, которой исполнилось двенадцать недель. Лили лежала на спинке, раскинув ручки, и молотила ножками по матрасу. Маленькое милое личико сморщилось и покраснело. Если бы ее слезные протоки уже функционировали, то щечки, несомненно, были бы мокрыми от слез.

Выхватив дочь из кроватки, Грейс прижала ее к груди и вдохнула сладкий младенческий запах.

– Ох, Лили, что я наделала! – пробормотала она, нежно покачивая девочку. – Твоя мама сделала ужасную вещь.

Поглаживая Лили по спинке и нашептывая ей ласковые слова, Грейс лихорадочно размышляла. Она ранила Луку. Она выстрелила в живого человека. Причинила вред мужчине, которого некогда любила. И который теперь знает о существовании ребенка.

Запах Лили несколько успокоил ее и прояснил рассудок. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы происшедшее повлияло на ее решимость. Необходимо взять контроль над ситуацией в свои руки, пока не поздно.

Кого она пытается обмануть? Разумеется, уже слишком поздно. На что она рассчитывает? Неужели Лука спокойно воспримет как ее выстрел, так и тот

факт, что она скрыла от него существование ребенка, и удалится восвояси? А ведь ей почти удался побег! Пистолет Грейс раздобыла два месяца назад. Она лишилась сна, боясь, что люди Луки отыщут их и отберут у нее Лили. Она знала, на что способен ее супруг.

Даже угроза тюремного заключения за незаконное хранение оружия не удержала Грейс от покупки. С пистолетом она чувствовала себя в большей безопасности. И Лили тоже была в большей безопасности. Когда в доме появилось оружие, Грейс удавалось заснуть. Иногда.

Люди Луки всегда носили оружие. Они были опасны. Лучше попасть в тюрьму, чем к ним в руки. Но они были весьма недалекими, и ей не составило труда перехитрить их, когда она решилась на побег. И она перехитрила бы их снова. Только Грейс не ожидала, что Лука явится за ней лично. Он представлялся ей королем, сидящим в замке и ждущим, когда стража вернет заблудшую королеву, чтобы заточить ее в башне до конца дней.

Лука был вовсе не глуп, напротив, Грейс не встречала человека умнее его. А потому он был гораздо опаснее своих прислужников и перехитрить его было намного труднее.

Уже несколько недель шестое чувство подсказывало ей, что пора сниматься с места. Ну почему она не прислушалась к своей интуиции?

Перед Грейс замаячил призрак тюрьмы. Но не обычной, с решетчатой дверью и крохотным оконцем. Нет, тюрьмой для нее станет башня из розового песчаника, которая преследовала ее в ночных кошмарах.

Лили наконец перестала плакать. Она успокоилась и, удобно устроившись на руках у матери, доверчиво смотрела на нее темно-синими глазками.

Она – мать, напомнила себе Грейс. И дело даже не в ней самой, а в ее невинной, беззащитной дочурке. В первый раз взяв ее на руки, Грейс обещала дочери беречь и защищать ее.

И поклялась, что никогда не отдаст Лили опасному гангстеру, каковым является ее отец.

Грейс сама удивилась, что ей удалось предельно затянуть процесс умывания и переодевания в джинсы и джемпер. А пока она меняла Лили подгузник и просто возилась с ней, и вовсе прошел целый час. Она не спускалась бы вниз и дольше, но Лили проголодалась и начала хныкать, требуя свою бутылочку.

Собравшись с духом, Грейс выпрямила спину и понесла дочку в кухню.

– Ты определенно не спешила, – заметил сидящий у стола Лука.

Он снял рубашку, и плотный, коренастый человек занимался его плечом. Грейс узнала Джанкарло Бреску, семейного врача семьи Мастранджело. Впрочем, в его присутствии не было ничего странного. Лука редко отправлялся куда-либо без врача – неудивительно, при его-то способе заработка.

– Странно, что ты не отправил наверх следить за мной одного из своих громил, – бросила она, стараясь не встречаться с ним взглядом.

Грейс сама не понимала, что ее взволновало сильнее – обнаженный торс Луки или кровь на его гладкой коже. Капельки крови запутались в черных завитках, покрывавших грудь мужчины. Она вспомнила долгие счастливые часы, которые провела в его объятиях, вдыхая мускусный запах кожи, погружая пальцы в эти шелковистые волосы. Когда-то ее нельзя было оторвать от Луки никакими силами.

– Ты все равно никуда теперь не денешься, можешь мне поверить, – произнес он холодно.

– Это ты так думаешь.

Он засмеялся. Только в этом смехе не было ни капли веселья.

– Неужели ты надеешься, что я, узнав о ребенке, позволю тебе снова исчезнуть?

– А почему ты решил, что это твой ребенок?

Лука громко фыркнул, но не двинулся с места:

врач как раз работал иглой, и всякое резкое движение было рискованным.

– Полагаешь, я не узнаю свою плоть и кровь?

Грейс с нарочитым равнодушием пожала плечами и прошла с Лили на руках к холодильнику. Краем глаза она увидела окровавленную пулю, небрежно брошенную на стол, и вздрогнула. И снова вздрогнула, увидев, как врач умело зашивает разорванную оливковую кожу Луки.

Лука проследил за ее взглядом и раздул ноздри:

– Пуля наткнулась на кость. И не причинила особого вреда.

– Это хорошо.

Грейс пыталась справиться с потрясением, которое испытала при виде его раны. Слава богу, она не успела позавтракать: ее наверняка стошнило бы. А сейчас необходимо сохранять ясность рассудка. Держать себя в руках. Нельзя допустить, чтобы чувство вины взяло верх, а что касается сострадания… разве Лука когда-нибудь проявлял сострадание к своим жертвам?

Повернувшись к нему спиной, она достала из холодильника бутылочку молочной смеси и сунула ее в микроволновку. Глубоко вздохнув, включила таймер.

– Жаль тебя разочаровывать, но это не твоя дочь.

Последовала тягостная пауза. Ее ложь словно вытеснила весь воздух из помещения, грудь сдавило, легкие настоятельно требовали кислорода. Грейс почувствовала, как взгляд Луки прожег ей затылок, и по спине побежали мурашки.

Микроволновка зазвенела, напугав ее. Неужели она всегда звенит так громко? Грейс вынула бутылочку и взболтала ее. Лили, должно быть, почувствовала запах еды, потому что снова захныкала.

– Т-ш-ш, – прошептала Грейс. – Сейчас будем кушать. Сначала мамочке надо устроиться.

Она больше не могла выносить напряжение и оглянулась. Лука пристально смотрел на нее. Его взгляд был ледяным и пылающим одновременно. Врач закончил зашивать рану и теперь смывал кровь с его плеча. Подавив приступ тошноты, Грейс втянула в себя воздух, чтобы успокоить сжавшийся желудок.

– Тебя не мучает совесть? – насмешливо вскинул бровь Лука.

– Нисколько. – Она отвернулась, и краска стыда за новую ложь залила ей щеки.

– Нет? А должна бы.

– Если кого-то и должна мучить совесть, так это тебя! – Грейс схватила бутылочку. – Я иду в гостиную кормить мою дочь. Когда будешь уходить, закрой за собой дверь.

Не оборачиваясь, она решительными шагами вышла из кухни. В маленькой гостиной Грейс включила телевизор и устроилась на мягком диване. После рождения Лили она привыкла смотреть телевизор днем. А также вечером и ночью. И чем глупее передачи, тем лучше. Сосредоточиться на чем-то серьезном молодая женщина не могла.

Она выбрала канал, где на ток-шоу показывали неблагополучную семью, которая перетряхивала свое грязное белье перед крикливой публикой и снисходительным ведущим. Грейс попыталась представить, что она сама оказалась на сцене и рассказывает, как выстрелила в собственного мужа. Пытается оправдаться в содеянном и во многих других вещах. Например, долго закрывала глаза на свидетельства того, что ее любимый человек не кто иной, как гангстер.

Но ее ослепила любовь. Или, может быть, вожделение? Сочетание того и другого не напугало ее своей интенсивностью, а напротив, было принято с восторгом. Не раздумывая Грейс распахнула свое сердце и позволила Луке прочно обосноваться в нем.

Она только что окончила художественную школу и смотрела на все, что предлагала жизнь, с радостным изумлением. Со своей лучшей подругой, Карой, Грейс путешествовала по Европе, любуясь архитектурными шедеврами. Сицилия показалась ей сказкой. Грейс влюбилась в остров и его общительных жителей. Темное прошлое Сицилии только добавляло романтики идеальному образу, который она создала в своих мыслях.

Кара, большая любительница пеших прогулок, потащила ее в горы недалеко от Палермо. Они долго шли вдоль забора, который сочли самым длинным в мире. Забор не позволял посторонним вволю насладиться зрелищем прекраснейших в Европе виноградников. Наткнувшись на дыру в заборе, девушки ошибочно сочли, что она дает им право на вход. Проникнув за ограду, они оказались на поляне, откуда открывался волшебный вид. Кара загорелась желанием запечатлеть его. Они расстелили пледы и устроились: Кара – с акварелью, Грейс – с этюдником и карандашами. Но не успели они сделать первые штрихи, как около них со скрежетом затормозил черный джип.

Так Грейс познакомилась с Лукой. Он вышел из джипа и направился к ним с пистолетом в руке.

Ей следовало бы испугаться: он был одет в черное, и ее воображение немедленно нарисовало образ кровожадного вампира. Кара что-то жалко залепетала, а Грейс была… очарована. Она словно оказалась героиней захватывающего фильма, и вот главный вампир вышел из гроба, чтобы приветствовать их.

Оглядываясь назад, Грейс с трудом верила, что не испугалась вооруженного человека, но тогда она действительно не почувствовала ни малейшей опасности. По наивности она полагала, что на Сицилии все мужчины ходят вооруженными. И считала все это очень романтичным. Несчастная идиотка!

Внезапно на глаза навернулись слезы. Грейс сморгнула их и громко шмыгнула носом, потревожив Лили, жадно поглощавшую молочную смесь. Малышка не подозревала, что ее счастливая жизнь отныне безвозвратно изменится.

В прихожей послышались шаги, затем стук закрывающейся входной двери. Грейс прижала дочку к себе. Она скорее умрет, чем расстанется с ней. Она не сомневалась, что Лука по-прежнему в доме. И интуиция ее не обманула: он

вошел в гостиную с таким видом, словно имел полное право здесь находиться. Он все еще был без рубашки, на плечо была наложена повязка, рука висела на перевязи. Лука выключил телевизор.

– Я смотрю шоу.

У него затрепетали ноздри. Не сводя глаз с Грейс, он сунул руку в задний карман брюк и достал два паспорта. Кровь бросилась ей в голову так стремительно, что перед глазами все поплыло. Глядя на него, Грейс крепче обняла Лили, по спине ее пополз жуткий холод.

Лука помахал перед ней паспортами и снова спрятал их в карман.

– Лили Элизабет Мастранджело. – Он говорил спокойно, но Грейс стало страшно. – Судя по дате рождения, сейчас ей двенадцать недель.

Несмотря на ранение, от Луки по-прежнему исходила скрытая угроза. Когда-то она считала это захватывающим. Зачем он навис над ней? Грейс была выше среднего роста, но рядом с Лукой выглядела крошечной.

Ну почему она не уехала отсюда раньше? Она довольно быстро пришла в норму после родов. Так почему же замешкалась?

– Как ты посмел рыться в моей сумке? – В горле настолько пересохло, что слова причинили ей сильную боль.

Глаза Луки сверкнули.

– Я имел право. Ты украла у меня моего ребенка.

Нет, она не позволит ему одержать верх. Не сдастся без борьбы.

– Лили не твой ребенок! Я указала тебя как отца только потому, что мы все еще женаты.

– Разумеется, она моя! У тебя не было возможности завести интрижку, кроме того, ты любила меня. У нас был потрясающий секс.

В животе Грейс шевельнулось огненное колесо, замелькали воспоминания: она, нагая, в его объятиях, его сильные руки…

– Ключевое слово тут «любила». – Грейс говорила напряженнее, чем ей хотелось бы. – «Любила» – прошедшее время. Лили не твой ребенок.

Лука подошел к ней и присел на корточки. От резкого движения черты его лица исказились, но только на миг. Огненный водоворот внутри Грейс замер. Лука терпеть не мог чувствовать себя не в форме. Она могла бы ранить его десять раз, но он все равно постарался бы выглядеть как человек, полный жизни и энергии.

– Bella, – сказал он чересчур вкрадчиво, и это не позволило ей расслабиться, – она вылитая Мастранджело. И ты зачала ее в браке со мной. Я точно знаю, что ты не изменяла мне…

Копившееся внутри напряжение неожиданно прорвалось наружу, и Грейс посмотрела на него дикими глазами. Глупо было рассчитывать, что он поверит, будто Лили не его дочь. Лука настолько самонадеян, что для него поверить в измену жены так же невозможно, как в сказку, что луна сделана из сыра.

И очень глупо было указать его в свидетельстве о рождении.

– Нелегко завести интрижку, когда собственный муж отслеживает по телефону все твои перемещения, а для верности приставляет к тебе двух телохранителей, которые докладывают о каждом твоем шаге, – заметила она.

Лили опустошила бутылочку и подняла глаза на мать, удивленная ее громким голосом. Лука сжал губы и подался вперед:

– Так ты признаешь, что она моя? Ты сознательно скрывала ее рождение?

Понизив голос, чтобы не пугать дочку, Грейс посмотрела на него со всем презрением, на какое была способна. Пусть каждое ее слово будет для него как удар в солнечное сплетение.

– Да, я прятала ее от тебя и впредь буду так поступать. Лили заслуживает лучшего, и ей ни к чему знать, что половиной своих генов она обязана чудовищу. Ты, может быть, и донор спермы, но мать ее – я! Ты ей не нужен. И мне тоже.

Ее ядовитые слова вонзились в его сердце, как острый нож.

Луке достаточно было один раз взглянуть на Лили, чтобы понять: она его дочь. Он не знал, откуда взялась эта уверенность, но у него не возникло ни тени сомнения. Это его ребенок.

Он стал отцом. Теперь, когда его женушка признала правду, ему следовало бы испытать облегчение. Но вместо этого в мужчине начинал разгораться гнев, которому он не позволял вырваться наружу.

Он представить не мог, что губы его жены могут источать такой яд. Грейс всегда видела в людях только хорошее, искала в них только добро.

Ему в голову не могло прийти, что Грейс станет смотреть на него словно на антихриста. Все внутри сжалось, когда Лука увидел, как она приподнимает их ребенка и поглаживает по спинке.

Его плечо болело нестерпимо. Когда они выйдут из дома, он все-таки примет болеутоляющее, а пока ему необходимо сосредоточиться.

Лука встал:

– Даю тебе полчаса.

– На что? – спросила Грейс, погружая лицо в густые черные волосики их дочери.

– Чтобы собрать вещи. То, что нельзя упаковать, придется оставить здесь.

– Я никуда не собираюсь.

– Ты так считаешь?

Лука прошелся по тесной гостиной, чувствуя в ногах свинцовую тяжесть. Грейс умудрилась разместить здесь гребной станок, велотренажер и беговую дорожку. Никто, глядя на нее, не подумал бы, что она недавно родила. И эта женщина как-то призналась ему, что терпеть не может гимнастику.

– У тебя нет выбора, – заявил он.

– Выбор есть всегда.

Лука остановился и впился в нее взглядом, не пытаясь скрыть ненависть:

– Мы поступим следующим образом: ровно через тридцать минут уедем отсюда и вернемся на Сицилию.

Он перевел дыхание.

Меньше часа назад Лука не подозревал о существовании Лили, не подозревал, что стал отцом. Сейчас глазки у девочки были закрыты нежными веками с густыми черными ресницами Мастранджело.

У него что-то дрогнуло в груди, всплыли воспоминания раннего детства. Когда Луке было три года, он проснулся как-то утром и обнаружил, что его родители исчезли. Беттина, любимая служанка, которой часто поручали за ним присматривать, была красная от волнения. Маму увезли в больницу, она должна была родить. Лука до сих пор не забыл атмосферу напряженного ожидания, царившую в доме. Но особенно отчетливо ему запомнилось возвращение родителей домой с младенцем – мама бледная, усталая, счастливая, отец светится от гордости. Они положили Пепе на руки сидевшего на диване Луки и сфотографировали маленьких братцев вдвоем. Лука чувствовал, как его переполняет счастье.

Лили была копией маленького Пепе.

Она – его дочь. А Грейс прятала ее от отца!

Он перевел взгляд на жену. У нее были запавшие глаза, будто она совсем не спала в последнее время. И правильно, что ее мучает бессонница, ведь такому

поступку нет оправдания, нет прощения!

– Ты меня назвала чудовищем, – продолжал Лука, понизив голос, чтобы не разбудить заснувшего ребенка, – но ведь это не я исчез, не оставив письма. Не я решил, что ребенку будет лучше без отца. И у тебя хватает наглости называть чудовищем меня?!

Она немного разжала стиснутые зубы, но продолжала смотреть прямо ему в лицо.

– И снова так поступила бы, глазом не моргнув.

Кровь бросилась ему в лицо, кожа стала обжигающе горячей. Она ни в чем не раскаивается! В его силах сурово наказать жену. Он может забрать у нее Лили и навсегда изгнать ее из их жизни.

Он может поступить так, но не поступит.

Лука любил обоих родителей, но именно к маме прибегал с разбитыми коленками и ссадинами, которые заживали от одних ее поцелуев, к маме, для которой и тысячу раз обнять его было недостаточно.

Грейс любит Лили. А Лили нужна Грейс. Между ними уже возникла прочная связь. Нужно иметь каменное сердце, чтобы ее разорвать.

Нельзя наказывать Лили за грехи ее матери.

Нет, наказание для Грейс будет иного рода. Чернота затопила его грудь. Лука подошел к Грейс и наклонился к ее уху. И помимо запаха чистой кожи ощутил ее страх, который его порадовал. Он хотел, чтобы она его боялась. Он хотел, чтобы она проклинала день, когда ступила на землю Сицилии.

– Больше тебе никогда не удастся забрать ее у меня. Лили принадлежит своей семье, Сицилия – ее дом. Тебе повезло, потому что я убежден: детям лучше расти с матерью, не то ушел бы сейчас с ней, а тебя оставил кусать локти. – И, помедлив, он добавил с нажимом: – Сделал бы это глазом не моргнув.

Грейс зажмурилась и сжала губы, стараясь не дышать. Горячее дыхание Луки проникало ей в ухо. Кожу начало покалывать, и это знакомое ощущение испугало ее.

Она с трудом придала лицу спокойное выражение, восстановила дыхательный ритм. Но над сердцем у Грейс не было власти, при первом же вдохе оно подскочило и больно ударилось о ребра, снова вызвав мучительный приступ тошноты.

– Видишь, bella, тебе дается шанс, – проговорил Лука тихим угрожающим голосом. – Мне нужна только моя дочь. Ее благополучие – единственное, что для меня важно. Ты можешь или остаться в этом убогом коттедже, или вернуться на Сицилию со мной и Лили как член нашей семьи.

– Я никогда не буду членом вашей семьи! – пылко воскликнула Грейс. – И никогда не стану спать с тобой…

Он перебил ее циничным смехом:

– Могу тебя успокоить по этому поводу. Раз ты родила мне ребенка, у меня больше нет необходимости спать с тобой. Для своих потребностей я заведу любовницу. А ты станешь хорошей сицилийской женой. Послушной и уступчивой. Эту цену тебе придется заплатить за право оставаться с Лили.

– Я ненавижу тебя!

Он снова рассмеялся; смех его ничем не напоминал прежний – громкий и беззаботный.

– Можешь мне поверить: ты ненавидишь меня не сильнее, чем я тебя. Ты украла у меня моего ребенка, а я не тот человек, который прощает подобное. Но я не чудовище. Если бы я им был, то забрал бы Лили не колеблясь, бросив тебя здесь. Так же, как поступила со мной ты. Выбирай: или ты возвращаешься на Сицилию со мной и Лили, или остаешься. Но знай: оставшись, ты больше не увидишь дочь. И если сейчас поедешь, а потом решишь уйти, тоже ее не увидишь. А если я решу, что ты ведешь себя не как подобает настоящей сицилийской жене и матери, я выдворю тебя из поместья…

– И я больше не увижу Лили, – механически закончила Грейс.

Лука улыбнулся и кивнул:

– Итак, мы пришли к взаимопониманию. Теперь решай. Что ты выбираешь?

Глава 3

Никогда в жизни Грейс не чувствовала себя так плохо, как в тот миг, когда бронированный джип остановился перед огромными воротами. Два вооруженных охранника почтительно кивнули, и они въехали на территорию поместья Мастранджело.

Пока машина катила по ровной дороге, огибавшей холмистые виноградники и зеленые оливковые рощи, аромат сицилийской природы наполнил воздух свежестью, пробуждая в Грейс прекрасные и одновременно ужасные воспоминания.

После промозглого климата Корнуолла бодрящая легкая декабрьская прохлада воспринималась как разительный контраст. Солнце клонилось к закату, и яркое кобальтовое небо не омрачало ни единое облачко. Зимняя куртка лежала у Грейс на коленях, ей было тепло в одном свитере.

Она вспоминала о своем мобильном телефоне и мысленно твердила проклятия. Она ругала сильный снегопад, который на прошлой неделе обрушился на юго-запад Англии и засыпал дороги, сделав их опасными. Если бы Лили не нужно было везти в местную клинику на плановую прививку, Грейс никогда не решилась бы ехать. Но она поехала. И на всякий случай взяла с собой мобильный телефон, не предполагая, что этим приведет в действие механизм, позволивший Луке ее отыскать. Грейс отключила его в тот миг, как вернулась в коттедж.

Почему она не избавилась от этого дурацкого телефона сразу после того, как коротко переговорила с мамой и Карой?

Грейс посмотрела на Луку, который сидел рядом с водителем, повернув голову к окну. Он был неподвижен, и Грейс подумала: «Уж не заснул ли он?» Но тут же прогнала эту мысль. Лука дремал в самолете, но его сон был похож на сон сторожевой собаки, которая в любой момент готова заметить опасность. Он сможет расслабиться, только оказавшись дома.

Ненавидя его и все, что он олицетворяет, Грейс себя тоже не щадила. Чем дольше она размышляла об упущенном времени, за которое должна была перебраться с Лили на далекий греческий остров, тем больше ей хотелось надавать себе пощечин.

За десять месяцев Грейс пересмотрела, кажется, все фильмы о гангстерах и мафии и прочитала все, что смогла достать. Надо изучить своего врага – это стало ее мантрой. Она понимала, что, найдя ее, Лука немедленно силой вернет ее на Сицилию. Это в порядке вещей для его окружения, где женщина немногим отличается от вещи.

Так почему она не уехала, если знала: чем дольше остаешься на одном месте, тем четче твой след. Даже прививки Лили не могли служить оправданием: ведь с тех пор прошло больше недели.

Через пару миль они подъехали к другим чугунным воротам, еще более внушительным, с караульными помещениями по обе стороны, оборудованными видеомониторами, соединенными с главной станцией слежения, которая располагалась в одном из коттеджей на территории поместья.

Начальник службы безопасности, Паоло, приветствовал Луку, и они обменялись несколькими словами. Увидев на заднем сиденье Грейс, Паоло вежливо кивнул ей.

Значит, он не лишился места. Она испытала облегчение. Для человека, отвечающего за безопасность семьи, упустить жену босса – безусловно, серьезный проступок. Грейс наклонилась вперед.

– Спасибо, что оставил Паоло на работе, – проговорила она негромко.

Лука повернул голову:

– Если ты о том, что сумела удрать из поместья, будь уверена, я не стал его упрекать.

– Я не удрала, а ушла.

Она долго брела через виноградники и пахоту, пока наконец не нашла поляну – ту самую, куда они с Карой когда-то нечаянно вторглись. Дыра в заборе давно была заделана. Грейс легко перелезла через него. Судьба словно завершила свой виток.

– Я смотрел видео. Ты выглядела так, словно отправилась на вечернюю прогулку. Ничто в твоем поведении не выдавало истинных намерений. Отдаю тебе должное, bella, ты замечательная актриса.

Ее спокойствие, разумеется, было только внешним. Едва Грейс оказалась за пределами владений Мастранджело и пропала из поля зрения множества камер, она швырнула телефон с программой слежения, который дал ей Лука, в кусты и добежала до ближайшего городка. Оттуда она добралась на такси до Палермо и ближайшим рейсом вылетела на материк. Сначала Грейс оказалась в Германии, куда в общем-то не стремилась, но это было кстати, потому что затруднило Луке поиски.

Дорога свернула направо, затем джип выехал на подъездную аллею, и Грейс увидела впереди здание из розового песчаника, некогда бывшее монастырем. Послеполуденное солнце изливало на него теплые лучи и подчеркивало красоту и великолепие старинной архитектуры.

Они проехали под аркой во внутренний двор. Не успела машина затормозить, как распахнулась дубовая дверь, и из нее выбежала маленькая черноволосая женщина – Донателла, мать Луки.

Грейс относилась к ней со смешанными чувствами. Донателла не укладывалась в традиционное представление о свекрови как об огнедышащем монстре. Она всегда держалась с невесткой разве что несколько сдержанно, но неизменно вежливо и уважительно. Тем не менее Грейс всегда становилось не по себе в ее обществе. Она понимала: если бы Донателла выбирала жену для сына по своему усмотрению, то нашла бы женщину с достоинствами, которые традиционно ценятся на Сицилии.

Грейс не представляла, какой встречи ожидать от свекрови. Как всегда изысканно одетая, Донателла подошла к машине.

Лука расстегнул ремни безопасности и повернулся к Грейс:

– Помни, что я сказал, bella! Теперь самое время начать культивировать в себе сицилийскую жену.

Грейс сжала зубы, глаза ее мрачно сверкнули. Он раздул ноздри, отвернулся и вышел из автомобиля. Ее муж никогда не давал пустых обещаний. Если она не оправдает его ожидания, он вышвырнет ее из жизни Лили безо всяких церемоний и надежды на помилование. Здесь, на Сицилии, ей ничто не поможет. Тут владения Луки, и все влиятельные люди едят у него с ладони.

Грейс попыталась открыть дверцу, но та была заблокирована. Она скрестила руки на груди.

Лука тем временем разговаривал с матерью, и оба то и дело бросали взгляды в сторону автомобиля. Предмет их разговора не оставлял сомнений.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Грейс посмотрела на Лили, спавшую рядом в детском креслице. Бедняжка устала, весь перелет она кричала, наверное, у нее болели ушки. Грейс хотелось кричать вместе с дочкой во всю силу легких, от души оплакать крушение своих надежд.

Лука переиграл ее, и если она не найдет путь к спасению, то будет обречена провести в этой средневековой темнице следующие восемнадцать лет.

– Я придумаю, как нам выбраться отсюда, – твердо проговорила Грейс, поглаживая маленькую ручку ребенка. – Только на этот раз мы спрячемся там, где он до нас не доберется. В Монголии, например.

Закончив разговор с матерью, Лука вернулся к машине, помог ей выйти, потом обошел машину и открыл дверцу со стороны Лили.

– Я сама ее возьму, – сказала Грейс, отстегивая ремни.

Он обдал ее холодным взглядом:

– Я возьму.

– У тебя одна рука не действует.

– Зато действует все остальное.

И он вынул креслице вместе с ребенком прежде, чем Грейс успела закрыть свою дверцу. Лука отнес девочку к матери, и та всплеснула руками, с губ ее сорвалось восторженное восклицание. Грейс не хотелось даже смотреть в ту сторону. Донателла забрала у сына креслице и внесла внучку в дом. Лука тоже подошел к двери и, помедлив, оглянулся.

– Ты зайдешь или собираешься коротать вечер на улице? – поинтересовался он.

Грейс прижала к себе сумку с вещами Лили и зашла в дом следом за ним. Она покинула это место всего десять месяцев назад, но ей казалось, что все случившееся с ней в поместье Луки произошло в совсем другой жизни. С жутковатым чувством она плелась позади мужа по коридору.

Он собирался повернуть к большой гостиной, одной из немногих комнат, которой пользовались все члены семьи, но вдруг остановился. Мужчина напрягся, запрокинул назад голову, глядя в потолок, потом резко втянул в себя воздух:

– Мне надо кое-что сделать.

Грейс заметила, как его глаза странно вспыхнули. В следующий миг Лука круто развернулся и пошел прочь.

Она едва сдержалась, чтобы не окликнуть его. Остаться наедине со свекровью – впервые после того, как она сбежала от ее сына, – страшнее, чем иметь дело с его гориллоподобными охранниками.

Собравшись с духом, Грейс переступила порог.

Декор, картины, мебель были те же. Словно время остановилось.

Оказавшись в этой комнате впервые, Грейс чувствовала себя счастливейшей в мире женщиной. И не могла представить, что потом эти стены станут душить ее. Грейс не предполагала, что человек, за которого она вышла замуж, так стремительно переменится и что пистолет, который он, как она полагала, носит для личной безопасности, приобретет совсем другой смысл.

А теперь она оказалась его пленницей.

Донателла достала Лили из креслица и покачивала ее на руках с выражением бесконечного блаженства на лице.

Лили успела проснуться и не испугалась незнакомого человека.

Острые глаза Донателлы остановились на Грейс.

– Она – красавица!

– Спасибо.

– Лили – очень красивое имя.

– Спасибо, – повторила Грейс и подумала, что, наверное, еще никому не доводилось оказываться в такой нелепой и мучительной ситуации. – Уже поздно, мне надо уложить Лили спать, – сказала она, не собираясь дожидаться, когда свекровь задаст вопросы, к которым она не готова.

Глаза Донателлы блеснули, складки в уголках губ расслабились.

– Пожалуйста, позволь мне еще немного побыть с моей внучкой. Ведь я только что узнала о ее существовании.

Чувство вины кольнуло Грейс. Она неохотно кивнула:

– Тогда я пойду и распакую наши вещи, а потом вернусь за ней.

Донателла благодарно улыбнулась, и уколы совести стали ощутимее.

Грейс нехотя вышла в коридор и направилась в то крыло здания, которое занимали они с Лукой. Она готовилась окунуться в прошлое.

Однако здесь все следы прошлого были уничтожены. Единственным знакомым предметом была фотография семейства Мастранджело на стене, сделанная еще до смерти Пьетро, отца Луки. Они сфотографировались в день, когда Лука получил ученую степень. Лицо Пьетро сияло от гордости. Да и кто не гордился бы такой семьей? Вот Лука, старший сын, серьезному выражению которого противоречит пляшущее в глазах веселье. Рядом Пепе – младший брат, озорному виду которого ничто не противоречит. Спокойная, элегантная Донателла излучает безмятежность.

Не прошло и двух месяцев после того, как был сделан снимок, и внезапно Пьетро умер от сердечного приступа. Титул главы семьи перешел к Луке, и он носит его уже много лет.

Грейс медленно прошла через гостиную и, дверь за дверью, начала открывать некогда принадлежавшие им с Лукой комнаты. Изящная роспись, которой она покрыла стены, исчезла под тусклой, невыразительной краской. Мебель, которую они вместе выбирали, была заменена.

Когда Грейс открыла дверь спальни, горло у нее перехватило.

Стены, которые она часами напролет упоенно расписывала, создавая волшебный эротический сад, населенный прекрасными купидонами и сплетенными в объятиях влюбленными, были закрашены. Фрески, которыми она так гордилась и в которые вкладывала столько любви и надежды, покрывала унылая бежевая краска.

Впервые за этот день Грейс захотелось плакать.

– Кажется, для тебя это потрясение?

Она не услышала, как в комнату вошел Лука.

Молодая женщина втянула в себя воздух и быстро заморгала, а затем, подавив обжегшие глаза слезы, повернулась к нему:

– Нет, я просто удивлена.

– Тебя удивляет, что я уничтожил всякое напоминание о тебе?

Грейс подняла руку, чтобы убрать прядь волос за ухо, – она никак не могла избавиться от старой привычки, хотя уже несколько месяцев носила короткую стрижку.

– У меня не было желания спать в окружении любовников, когда моя собственная жена сбежала от меня.

– Значит, ты все поменял здесь не потому, что так захотела твоя новая подруга?

Она сама толком не поняла, почему задала этот вопрос, просто запах его нового одеколона ударил ей в нос. Может быть, этот одеколон подарила Луке возлюбленная? И она лежала в его объятиях в их прежней спальне, овеянная этим ароматом.

Воображение ее нарисовало такие картины, что желудок сжался.

Лука прищурился:

– Думаю, ты не в том положении, чтобы об этом спрашивать.

Грейс пожала плечами, выражая полное безразличие:

– Меня нисколько не волнует, с кем ты спишь. С того дня, как я ушла, мы оба стали свободными людьми.

Тяжелая теплая рука опустилась ей на плечо. Даже без помощи второй, раненой, руки Лука прижал ее к стене так ловко, что она не сумела воспротивиться.

– Надеюсь, ты не намекаешь на то, что у тебя были другие мужчины?

– Если и так, не твое дело. А теперь пусти меня.

Лука касался ее только рукой, но она чувствовала его всего, чувствовала тепло, исходящее от него. Оно согревало Грейс, проникало под кожу, распаляло кровь. Как и прежде.

При первой же встрече с ним Грейс испытала невероятное возбуждение. Ее словно молнией поразило. И всякий раз рядом с Лукой возбуждение доходило до убийственной точки. Даже когда их брак уже рушился, спальня оставалась местом, где они пребывали в согласии.

Убежав от Луки, Грейс не думала о сексе. Ни разу. Ее поглощала одна забота: как обезопасить себя и ребенка. Правда, холодными ночами ей не хватало теплого успокаивающего соседства Луки, но о сексе как таковом она вовсе не помышляла. Не позволяла себе помышлять. Просто решила, что с ним покончено.

У Грейс перехватило дыхание. Угасшее пламя, пробудившись к жизни, обдало женщину нестерпимым жаром еще в тот миг, когда Лука появился в ее кухне. И теперь на одно безумное мгновение ей страстно захотелось оказаться в его объятиях, ощутить тепло его губ и мускулистую твердость его тела…

– Это именно мое дело, – вкрадчиво возразил он, нагнувшись к ней так близко, что она поневоле была вынуждена посмотреть в его мрачно сверкнувшие глаза. – Ты все еще моя жена, а Лили моя дочь. Я имею право знать, если ты нашла ей другого отца.

Лука обдал ее горячим дыханием. Тело Грейс отреагировало на это, как ребенок, долго лишенный сладкого и увидевший коробку шоколада.

Она отвернулась:

– У меня никого не было.

– Это хорошо. – Он провел пальцем по ее щеке. – И чтобы не осталось никаких сомнений: если вздумаешь с кем-то переспать, я выброшу тебя за дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mishel-smart/slasche-meda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити